

Центр стратегических оценок и прогнозов

www.csef.ru

Круглый стол «Иран на сцене «Большой игры»»

16 апреля 2012 г.

Москва – 2012

Участники

Армения

Севак Саруханян

Заместитель
директора НОФ
«Нораванк»,
руководитель
Центра
политических
исследований,
кандидат
политологических
наук

Белоруссия

Юрий Баранчик

Руководитель
информационно-
аналитического
интернет-проекта
«Империя»,
руководитель
оргкомитета
Движения «За Союз
Беларуси и России»,
кандидат
философских наук.

Рачья Арзуманян

Независимый
эксперт, кандидат
технических наук

Россия

Саркис Цатурян

Независимый
эксперт

Узбекистан

Ойбек Махмудов

Политолог,
независимый эксперт

Украина

**Сергей
Александров**

Политолог,
независимый
эксперт

Общие положения

Одним из основных драйверов, определяющим развитие военно-политической и военно-стратегической ситуации в мире в течение последнего года является ситуация вокруг Исламской Республики Иран. С момента завершения военной акции против Ливии и свержения режима М.Каддафи, активная мировая политика сместилась в регион Среднего Востока.

Вместе с тем, детальная оценка складывающейся ситуации, а также изучение ретроспективы нынешней ситуации вокруг Ирана, заставляет анализировать и иные сценарии и версии возможного дальнейшего развития ситуации в регионе, а не только «лобовой» сценарий вооруженного противостояния коалиции во главе с США и Ирана.

Прежде всего, требует ответа вопрос: почему военная акция против Ирана так обсуждается именно сейчас? То, что эта страна активно работает по созданию ядерной индустрии, было понятно еще около десяти лет назад. Более того, в 2003-2006 годах был наилучший временной интервал, пригодный для атаки на Иран со стороны США (если бы они этого действительно хотели): именно в эти годы в регионе был сосредоточен наибольший военный потенциал, включая группировки в Афганистане, Ираке, Пакистане и государствах Центральной Азии, да и миф о «международном терроре» тогда еще не был так потрепан. Кроме того, в те годы ядерный потенциал Ирана был куда менее диверсифицированным и защищенным, чем сегодня. И почему Северная Корея, имевшая ядерное оружие, за несколько лет до Ирана, не стала изгоем в глазах Запада?

Второй вопрос, который также нуждается в обсуждении: почему Европа, углубившаяся в затяжной кризис, так вольно и, отчасти, самоубийственно, поступила с вопросом о введении санкций против иранской нефти.

Третий вопрос. Почему так двойственно ведет себя Иран? С одной стороны – бойкая антиамериканская и антиизраильская риторика, и активная информационная пропаганда (для широких масс), а с другой – тайные переговоры иранских банкиров в Швейцарии, многолетние обещания

отказаться от долларов и евро в расчетах за нефть и нежелание активно реализовывать проект нефтегазовой биржи в экономической зоне о.Киш.

Четвертый вопрос. Как изменится ситуация в регионе, в двух терминальных случаях: в случае атаки на Иран, и в случае мирного разрешения конфликта? Что касается России, то, оценки говорят о том, что при любом раскладе ситуация для нашей страны окажется невыгодной: в случае атаки на Иран можно ожидать лишь кратковременного роста цен на нефть и газ, а потом рынок энергоресурсов будет фактически монополизирован проамериканскими компаниями, что сделает еще более эффективным известное «нефтяное оружие». Если же конфликт разрешится мирно, то на южных рубежах России ситуация будет определяться внешней политикой милитаризованного Ирана, имеющего собственный взгляд на будущее стратегически важного региона Каспийского моря.

Именно эта версия и кажется нам наиболее интересной. Что если предположить, что никакого конфликта то и нет. Вернее он есть, но США вовсе не желают воевать с Ираном. К этой войне их подталкивает сегодня исключительно Израиль, которого не устраивает многоходовая и долгосрочная политика Вашингтона в регионе, а есть исключительно местечковые интересы. На самом деле цель США – сформировать в регионе противовес монархиям залива, а заодно и весомый силовой кулак в регионе Каспийского моря. Можно предположить, что ситуация вялотекущего кризиса, когда регулятором активности будут американские авианосные группировки, то входящие, то выходящие из Залива, сохранится еще на несколько лет.

Уже сегодня есть результаты такого вероятного сценария – мощная информационная пропаганда, проводимая в конце прошлого и начале нынешнего года, сформировали у российской политической элиты устойчивое восприятие того, что война против Ирана неизбежна уже в ближайшие недели, и что ожидаемые цены на энергоносители побьют все мыслимые рекорды. Опираясь на это предположение, и строился социальный блок предвыборной кампании. Однако уже в первые месяцы текущего года стало понятно, что США не рвутся атаковать Иран, как минимум, до осени 2012 года, но финансовые обязательства уже вступили в действие – в результате российский бюджет уже в феврале имел дефицит в размере 300 миллиардов рублей. Таким образом, можно предположить, что США провели успешную информационную операцию, результатом которой стали неверные стратегические решения российского руководства.

Так что же представляет собой ситуация, главным действующим лицом в которой является Иран? И так ли расставлены акценты мировым экспертным сообществом? На эти и другие вопросы предлагается ответить нашим экспертам.

1. Почему тема атаки на Иран широко обсуждается именно в последние месяцы, а не несколькими годами ранее?

Севак Саруханян (Армения)

Возможность начала широкомасштабной войны с Ираном обсуждалась в 2004-м и 2008-м гг. Всегда перед началом президентской кампании в США. Объяснить это можно по-разному, но самым очевидным для меня ответом является следующий: Израиль и еврейское лобби в США стараются подтолкнуть американского президента взамен поддержки в предвыборной кампании начать военную операцию против Ирана, с целью разрушения ядерных и военных объектов последнего. С этой точки зрения нынешний 2012 год – не исключение. В то же самое время очевидно, что администрация Б.Обамы старается избежать столкновения с Ираном, так как отлично понимает, что война может привести к неконтролируемой дестабилизации в регионе Большого Ближнего Востока. То, что Б.Обама не склонен к столкновению, стало очевидно во время его выступления на заседании «Американо-еврейского общественного комитета» в начале марта, во время которого он сказал, что предпочитает дипломатию, а не войну в качестве средства разрешения иранского ядерного кризиса. На следующий день после заявления Обамы бывший командующий Центральным командованием вооруженных сил США, директор ЦРУ Д.Пэтреус заявил CNN, что считает иранских руководителей рациональными политиками, с которыми можно прийти к консенсусу. Мое ощущение такое – нынешнее руководство США на войну против Ирана не пойдет.

Рачья Арзуманян (НКР)

Для понимания происходящего важно помнить, что существует проблема нескольких арен, на которых разворачиваются процессы, а процессы планируются и разворачиваются, в том числе, и во времени. На каждой из арен присутствуют свои акторы, преследующие свои цели, реализующие собственную политику и стратегию, которые конкурируют и находятся в противоборстве или дополняют или усиливают друг друга.

Сказанное справедливо и для параметра времени, и каждая из арен имеет свое время. Стараясь понять логику процессов и, тем более, пытаться их прогнозировать, необходимо помнить, что они разворачиваются на всех аренах одновременно, но протекают по различным временным шкалам.

Возникает довольно сложная аналитическая задача. Необходимо некоторым образом различать, к какой арене относится тот или иной процесс, где он разворачивается. Каким является наблюдаемое событие, на какой арене они разворачиваются – геополитической, региональной или локальной. По какой шкале времени необходимо отследить наблюдаемый процесс? Причем размах или масштаб процесса его длительность являются относительными критериями. В качестве примера можно сослаться на скоротечную войну

августа 2008 года, которая имела все параметры локального процесса, будучи геополитическим по своей природе.

Сложность процессов, протекающих сегодня на Большом Ближнем Востоке заключается в том, что на нынешнем этапе здесь присутствует динамика на всех трех аренах одновременно и процессы влияют друг на друга, пересекают границы арен, делая общую картину пестрой, переплетенной и многообразной, когда просто невозможно отследить масштаб процесса. Более того процессы будучи, например, локальными по своей природе, пересекая границы арен или приобретая другую динамику, вполне могут становиться фактом и реальностью уже другой арены, ломая планы, приводя к их рассинхронизации. Предпринимаемые шаги в этом случае будут неадекватными, однако они бы хорошо вписывались в планируемый когда-то контекст, который так и не стал контекстом реальным, проявленным, состоявшимся.

Примером могут служить события вокруг Ливии, когда неожиданное и непредвиденное упрямство Каддафи на 10 месяцев задержало процессы на региональной и геополитической аренах, приводя к рассогласованиям и в политике и в стратегии, которая приобретает черты неадекватной.

Позволим себе «пофантазировать» и на мгновение представим, что проблему Каддафи и Ливии удалось бы решить за несколько месяцев, и тогда к осени 2011 года в Москве мы имели бы несколько другую картину, которая, безусловно, сформировала бы совершенно иной контекст в Сирии и Иране. Вопрос для кого выиграл время Каддафи своим непредвиденным сопротивлением, защищая интересы ливийской государственности на локальной арене, найдет свой ответ на других аренах в рамках уже других процессов. Корректировка геополитической и региональной политики и стратегии в режиме «ad-hoc» - это предельно сложная задача, требующая не только знаний, но и выдержки и соответствующего опыта, которым обладают только геополитические акторы в рамках соответствующих геополитических школ и традиций.

Поэтому краткий ответ на поставленный выше вопрос мог бы звучать следующим образом. *Активизация темы атаки Ирана может быть следствием шагов на локальной арене со стороны локальных акторов, преследующих свои частные, национальные интересы.* Они также могут быть следствием противоборства на региональной арене между региональными акторами – Ираном, Израилем, Саудовской Аравией и Катаром, Турцией.

Однако они также могут быть следствием политики и стратегии геополитических акторов на глобальной арене. И тогда вопрос представляется несколько другим. Чем объясняется несогласованность шагов и противоречия между традиционными союзниками и партнерами, которые наблюдаются на всех аренах? Является ли это частью игры, «блефа», призванного ввести в заблуждение других акторов или же это действительные противоречия?

Возможен и третий ответ, когда мы сталкиваемся с рассинхронизацией шагов, то есть «технической» проблемой, которая будет решена тем или иным образом, если ею не воспользуются другие.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

Раньше у США наиболее актуальными были две другие «горячие точки» – сначала стабилизация разваливающегося на глазах Ирака, потом попытка уйти из Афганистана не проигравшей стороной, а победителями, более года назад начались события на Арабском Востоке, закончившиеся сменой ряды режимов, даже дружественных американцам. Т.е. политическая повестка дня для Вашингтона в этом регионе была достаточно обширная. А вот когда ситуация подошла вплотную к Сирии, то тут вполне логично всплыла и тема Ирана под предлогом возможного получения доступа к технологиям создания ядерного оружия.

Саркис Цатурян (Россия)

После череды переворотов в арабо-мусульманских странах, выбивших в 2011 г. из активной внешнеполитической деятельности таких влиятельных региональных игроков, как Египет и Ливия, Иран остаётся единственной силой, способной сбалансировать Израиль. Это обстоятельство вынуждает Вашингтон и его западноевропейских союзников строго следовать канонам Realpolitik.

Хотя дело здесь не только в реальной политике. Во многом, воинственные заявления лидеров трансатлантического сообщества в адрес Ирана – отголоски внутренних социально-экономических проблем в Америке и Европе; они до сих пор не могут оправиться от последствий мирового финансово-экономического кризиса, поколебавшего глобальный спрос на их продукцию. В этой связи на ум приходят популярные строки из поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Распалась цепь великая, распалась и ударила; одним концом по барину, другим – по мужику». Взаимозависимость XXI в. постоянно даёт о себе знать. Катализатором ситуации выступают сами США, вступающие в очередной электоральный цикл, победителем которого окажется тот, кто сумеет убедить население в своей способности решить экономические проблемы. В этой конструкции Иран выступает в качестве громоотвода, увлекающего общество от насущных проблем.

Макроэкономические показатели США не внушают особого оптимизма: по сравнению с декабрем 2011 г., дефицит торгового баланса в январе 2012 г. повысился до 52,6 млрд. долл.; объем импорта США достиг 233,4 млрд. долл. (увеличившись на 2,1% по сравнению с предыдущим месяцем), объем экспорта - 180,8 млрд. долл. (+1,4% к предыдущему месяцу). При этом в годовом исчислении импорт в США вырос на 8,4%, а экспорт - на

7,7%. По состоянию на 1 января 2012 г. государственный долг сравнялся с ВВП – 15,3 трлн. долл., заставив многих задуматься о дееспособности долларо-центричной финансовой системы. Большую озабоченность для избирателей вызывает ситуация на рынке труда, который, по оценке главы ФРС Б. Бернанке, до сих пор не вышел на докризисный уровень по количеству рабочих мест и отработанных часов. Уровень безработицы упал с 9,1% только до 8,3% за последние шесть месяцев – слабый показатель; а за 2011 г. экономика США выросла лишь на 1,7 % и, по предварительным данным снизила темпы в начале 2012 г.

Очевидно, что с такими показателями Б.Обаме не очень комфортно бороться за президентское кресло. Ситуация оставляет только один выход: чтобы улучшить показатели рынка труда, ФРС должна продолжить политику количественного смягчения, вливая в американскую и, как следствие, мировую экономику новые порции долларов, провоцирующих рост цен на нефть и продовольствие. Белому дому не остаётся ничего, кроме как разыгрывать внешнеполитическую карту, периодически вспоминая о ядерной программе Ирана и агрессивности сирийского президента Б. Асада по отношению к оппозиции.

Все понимают, что экономика США нуждается в масштабных оборонных заказах, как это имело место после терактов 11 сентября 2001 г., спасших американский фондовый рынок от неминуемого краха; некоторые специалисты (из академической среды) всерьёз говорят о том, что Америке нужна большая война, способная восстановить её промышленность. Аналогичные высказывания имели место и в Британской империи на рубеже XIX и XX веков, когда агонизирующая экономика (поражённая Долгой депрессией 1873- 1896 гг.), вкупе с негодующим рабочим классом, пустилась в кровопролитную англо-бурскую войну. Разница в том, что тогда за эту войну ратовал С.Родс, а сегодня его подвиги пытается повторить сенатор Дж.Маккейн. Но сможет ли Пентагон выдержать это испытание? Сложно сказать.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

Да, вопрос интересный. На мой взгляд, это связано с геополитическими интересами как США и стран Запада, так и ведущих суннитских государств Ближнего Востока. При этом в числе последних «главную скрипку» играет Королевство Саудовской Аравии, которое, вовлекая США в конфликт, преследуют цели усиления своего доминирования в регионе и сохранения стабильности в местах компактного проживания шиитского населения.

Для США помимо прочих известных интересов, важным является возможность взять под контроль иранские нефтегазовые магистрали. Это позволит, в частности, ослабить другого важного американского соперника на мировой арене - Китай, который является сегодня одним из важнейших потребителей иранской нефти. Тем самым, Вашингтон получает

определенные рычаги влияния на темпы экономического роста КНР, а также сможет успешнее шантажировать Пекин в т.ч. и в вопросе валютной политики и курса юаня.

Текущее обострение проблемы вокруг Ирана связано с предстоящими президентскими выборами в США, где иранская угроза используется для получения поддержки электората, а также финансовой поддержки со стороны ВПК США, заинтересованного в увеличении военных заказов. При этом решение иранской проблемы позволит Вашингтону добиться эскалации напряженности в Персидском заливе, что усилит военно-политические и экономические позиции США в регионе.

Сергей Александров (Украина)

Можно предположить наличие нескольких подходов, объясняющих причины этих событий. На мой взгляд, целесообразно рассмотреть три основных из их довольно обширного перечня.

Во-первых. Если решение о силовом способе решения «иранской проблемы» уже принималось, то на отказ от его претворения в жизнь в предшествующие годы повлияли ограниченные ресурсные возможности Запада, обусловленные, в первую очередь, снижением военных расходов из-за финансово-экономического кризиса, а также «увязанием» войск в текущих военных конфликтах и миротворческих операциях и т.п.

Во-вторых. О существовании в том или ином виде списка так называемых «стран-изгоев», «государств с тоталитарными режимами» и прочих «нуждающихся» в «приходе демократии» общеизвестно. Даже в открытых концептуальных и других официальных документах США Иран (в списке других стран) открыто называется как значительный фактор угрозы реализации национальных интересов и национальной безопасности США. Но если смотреть на ситуацию в ретроспективе, то вполне видна последовательность США в действиях против стран из этого списка: Ирак, Ливия и т.п. Судя по всему, лишь сейчас «очередь» дошла до Ирана.

В-третьих. Против Ирана уже давно проводятся системные информационные операции. Причем они рассматриваются как составная часть так называемых «новых подходов» по установлению контроля над той или иной страной, которые не предполагают открытую вооруженную агрессию. Вполне возможно, что появление «новой темы» в виде угрозы военной агрессии призвано стать новым звеном в оказываемом информационном воздействии на Иран и мировое сообщество.

2. Что заставило Европу пойти на запрет импорта иранской нефти именно в ситуации тяжелого экономического кризиса?

Севак Саруханян (Армения)

Европа – не единое целое. Иранский вопрос дал шанс Европе показать, что она может стать единой хотя бы с точки зрения позиционирования своих внешнеполитических интересов. Во многом именно поэтому и было принято решение о введении запрета на импорт иранской нефти. Решение, на самом деле, абсолютно безобидное, так как если ЕС перестанет покупать иранскую нефть, она не перестанет поступать на мировой рынок. Баланс между предложением и потреблением нефти в мире не нарушится. ЕС перестанет покупать иранскую нефть, начнет покупать российскую или кувейтскую. А кто-то начнет больше покупать иранскую нефть и сократит покупку российской и кувейтской. Например, Китай и Индия – два крупнейших потребителя – уже заявили, что без резолюции СБ ООН они никогда не откажутся от иранской нефти, а резолюции СБ ООН, запрещающей импорт иранской нефти, не будет. Самый важный для Ирана финансовый вопрос, на мой взгляд, заключается в другом: поддержат ли арабские банки Персидского залива санкции ЕС по прекращению операций с иранскими банками! Основные иранские транзакции с внешним миром сегодня осуществляются через банки ОАЭ и Кувейта. Если банки откажутся работать с иранцами, то банковская система Ирана может столкнуться с угрозой реального кризиса.

Рачья Арзуманян (НКР)

Шаги Европы вероятнее всего диктуются логикой геополитического противоборства, стратегией на геополитической арене. Попытки найти экономические и прочие аргументы поведения Европы представляются малоперспективными. Экономический кризис и поведение в данном случае играют подчиненную роль. «Родившимся в СССР» возможность такой политики должна представляться очевидной. История крушения СССР недвусмысленно показывает, чем заканчивают попытки игнорировать геополитические реалии и попытки сформировать отклик на геополитические вызовы на других аренах. Европа и Запад понимают, что решение проблем системного кризиса западного общества может быть найдено только на геополитической арене, через шаги, выстраиваемые на глобальном уровне.

Понимание того факта, что речь идет о геополитическом противоборстве, приводит к следующему вопросу. Против каких геополитических актора направлена выстраиваемая политика и геостратегия, элементом которого является стратегия удушения Ирана? Последние слова одного из кандидатов в президенты США были достаточно болезненно восприняты в России, вынудив высшее политическое руководство выступить

с заявлением, хотя традиционно СССР и затем его наследница Россия не комментировали высказывания кандидатов. Однако в данном случае намного более важным представляется не эмоциональная и быстрая реакция, но осмысление той реальности, в рамках которой стали возможны такие высказывания высокопоставленного американского политика. Возможно, необходимо задуматься об аналогии между известными высказываниями Рейгана, которое, как выяснилось позже, инициировало реализацию геостратегии, приведшей к крушению СССР.

История, как известно, ничему не учит, но будет печально, если теперь уже Россия попадет в тот же геополитический капкан, ведущими элементами которого вновь становится игра с большой нефтью и газом, с одной стороны, и прорывные высокие технологии - с другой, а функции СОИ берет на себя разворачиваемая система глобальной ПРО.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

Наибольшую роль сыграло давление США, во-вторых, возможность поставок на европейский рынок нефти из других стран, а, в-третьих, то, что в условиях кризиса европейская экономика не растет. Соответственно, ей не нужны дополнительные энергетические ресурсы.

Саркис Цатурян (Россия)

Приняв 23 января 2012 г. решение о введении эмбарго на поставки иранской нефти с 1 июля т.г., страны ЕС, помимо защиты собственных интересов, сыграли, в первую очередь, на руку американцам. Не исключено, что подобные действия были предприняты Старым Светом для гарантированного получения Грецией спасительного транша от Международного валютного фонда; да и дело тут касается не только одной Греции, дефолт угрожает Испании, Ирландии, Португалии и Италии.

По имеющимся данным, объём добычи нефти в Иране составляет около 3,6 млн. барр. в сутки (второе место среди стран ОПЕК после Саудовской Аравии). На экспорт уходит около 2,5 млн. барр., из которых 865 тыс. барр. приходится на долю европейских стран¹. Принимая во внимание согласие Саудовской Аравии увеличить добычу нефти на 2 млн. баррелей в день, Европа уже не несёт существенных рисков, она заранее обезопасила свои тылы.

Демарш Евросоюза по отношению к Ирану становится весомым козырем США в их восточноазиатской политике; затрагивает в первую очередь Китай с его возрастающими запросами на углеводороды. Не стоит забывать, что Япония и Южная Корея также активно импортируют персидскую нефть. Очевидно, что в ближайшее время (особенно важно это

¹ Цены на нефть зависят от Ирана <http://www.rbcdaily.ru/2012/01/10/tek/562949982483152>.

сделать до выборов президента) Вашингтону уже не представится лучшей возможности разрешить длительные баталии с китайскими монетарными властями по поводу искусственного занижения курса юаня, мешающего Америке нарастить объемы экспортируемой продукции. Не желая сдаваться без боя, китайцы отправляют переговорщиков не только в Иран и Сирию, но и в Великобританию, способную помочь Пекину производственными мощностями своих нефтяных корпораций. Но будет ли у британцев на то желание?

Несмотря на популистский характер страстей вокруг Ирана, в геοэкономическом плане мы наблюдаем совместную американо-европейскую акцию по социально-экономическому сдерживанию Китая: после кризиса Америка, Европа и Китай начали гонку за то, кто быстрее восстановится и возглавит поверженный экономический порядок. Разница между ними состоит в том, что Вашингтон и Брюссель устраивает существующая доллароцентричная система, а Пекин стремится её реформировать.

Самое удивительное: *от сложившегося клинча выигрывают даже не национальные государства, а нефтяной картель «Семь сестёр», де факто контролирующий (после Второй мировой войны) всю ближневосточную нефть.* После многочисленных поглощений 1980-1990-х годов в этот элитарный клуб входят только «British Petroleum», «ExxonMobil», «Royal Dutch Shell», «Chevron» и «Техасо»: именно они пожинают сверхприбыли от высоких цен на нефть.

В скором времени, когда эмбарго вступит в силу, мы станем свидетелями того, как Международный валютный фонд и Всемирный банк в очередной раз примерят корону бенефициариев роста цен на нефть, поскольку только к ним будут обращаться национальные государства за кредитами для стабилизации своих бюджетов.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

Причинами введения Европой запрета на поставки нефти из Ирана являются как трансатлантические обязательства и давление США, так и попытки добиться успехов в ходе текущих политических выборов в самих европейских странах. В то же время Евросоюз согласовал, что после введения эмбарго европейским компаниям будет разрешено получать у Ирана нефть в счет задолженности перед ними иранцев. Однако альтернативный импорт нефти через такие нестабильные страны, как Алжир и Ливия, увеличивает риски энергетической безопасности для европейских стран.

Иран не беспокоится по вопросу потери европейского рынка, и будет компенсировать потери за счет своих основных импортеров - Китая и Индии, а также роста цен на энергоносители. В свою очередь, Турция извлечет выгоды из санкций в отношении Ирана, в т.ч. за счет увеличения значения

турецких банков при совершении сделок с иранскими торговыми партнерами.

Сергей Александров (Украина)

В международной политике любое решение принимается в результате тщательного учета множества факторов. Видимо, «вес» тех аргументов, которые вынудили отказаться от иранской нефти, превысил «вес» контраргументов о необходимости минимизации влияния кризиса.

Собственно говоря, обеспечение стабильных, непрерывных и дешевых поставок иранской нефти – это программа-минимум для западных стран.

А вот получение полного контроля над нефтяными запасами Ирана в результате смены правящего режима в этой стране для западного мира можно рассматривать как программу-максимум. Очевидно, что в интересах достижения целей более высокого уровня допустимо идти на определенные жертвы.

Если мы не видим явной и убедительной причины запрета иранской нефти, то, скорее всего, имеют место скрытые договоренности между политическими элитами западных стран по данному вопросу, обусловленные союзническими обязательствами, взаимными уступками по другим важным вопросам и т.п.

Видимой частью айсберга при этом выступает повод решимости наказать «нарушителя международных санкций».

Нужно упомянуть, что при этом решается также ряд частных задач. Например, консолидации нации в условиях кризиса, когда гражданам страны можно объяснить сложную экономическую ситуацию в контексте «плохого Ирана» или необходимости сплочения перед ядерной опасностью от «страны –изгоя»

3. Действительно ли Иран сегодня противостоит мощной коалиции, а не играет отведенную ему роль?

Севак Саруханян (Армения)

Во многом по причине того, что многие годы занимаюсь Ираном и его политикой, я, может в некоторой степени субъективно, не считаю современный Иран государством, которое может играть отведенную кем-то роль. Иран – мощное государство с современной армией, с 75-миллионным населением. Государство, которое является ключевым игроком современных международных отношений, имеет огромное влияние на политические процессы в регионе Большого Ближнего Востока. У Тегерана есть свои интересы, которые он успешно защищает.

Да, сегодня Иран противостоит коалиции. Насколько она мощная? Скорее не очень, ввиду того, что один участник коалиции требует разбомбить Иран, второй участник этого делать не хочет. Европа выступает исключительно за экономическое давление на Иран, Россия – против давления, Китай уже дал понять, что больше ни за какие санкции голосовать не будет. По иранскому вопросу нет единства, что на руку Тегерану.

Рачья Арзуманян (НКР)

Сегодня Иран противостоит мощной коалиции – и играет отведенную ему роль. Вопрос, который было бы уместно задать: играет ли он ее добровольно, по своей воле или же речь идет о навязанной роли, которую ты вынужден играть. Скорее всего, мы должны говорить и рассуждать в терминах смеси или даже сплава обоих подходов. Восток и восточный менталитет позволяет чувствовать себя достаточно уверенно в обоих вариантах одновременно.

Важный вопрос - играет ли время в пользу Ирана на геополитической временной шкале. Насколько устойчив Иран в «Большой игре». Да, он вполне способен отыграть ту или иную «мизансцену» и «картину». Скорее всего, сыграет свою роль до «первого антракта». Но в состоянии ли иранское общество выдержать спокойно и уверенно нарастающее давление на геополитической арене или надломится? О возможности именно такого сценария говорят появившиеся в последнее время статьи, призывающие применить стратегию сдерживания по отношению к Ирану, успешно примененной во время Холодной войны против СССР. В этом случае многое будет решаться устойчивостью иранского общества, его элиты. Окажется ли она в состоянии трансформировать внутренние противоречия в конструктивные и конкурентоспособные решения и отклик?

С другой стороны разговоры о стратегии сдерживания можно расценивать как приглашение Ирана к игре на геополитической арене, но готов ли к этому Иран и его элита к такой игре? В состоянии ли она понять правила игры, что может потребовать расставания с некоторыми иллюзиями и правилами локальной и региональной арен: Представляется, что именно данный круг вопросов является актуальным для понимания следующих шагов Ирана.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

На мой взгляд, Иран ведет очень тонкую дипломатическую игру, а его оппоненты по диалогу – Израиль и США – руководствуются больше сиюминутными политическими интересами (особенно, Израиль). Только в последние две-три недели стали появляться взвешенные и здравые комментарии относительно того, что именно агрессия Израиля или США против Ирана даже не в формате наземной операции, а только в рамках

воздушной операции против центров ядерной программы Ирана, даст Ирану полное право объявить себя жертвой агрессии и потом спокойно приступить к созданию ядерного оружия.

Кажется, что США, в отличие от Израиля, стали больше внимания уделять именно этой трактовке происходящего, вследствие чего несколько затормозили свою риторику и стали посылать больше позитивных сигналов к готовности к переговорам, а не к военному способу решения иранской ядерной программы. Израиль более эмоционально реагирует на саму возможность появления у Ирана ядерного оружия, хотя очевидно, что даже появление нескольких ядерных бомб не сделает Израиль возможным объектом нападения для Ирана.

Допустим, что Иран станет обладать несколькими ядерными бомбами. Единственно возможный объект для их применения – это Израиль. Но Израиль связан серьезными формальными и неформальными отношениями с США. Поэтому любой удар по Израилю обернется для Ирана массированным ответным ядерным ударом США, в результате которого персы как нация перестанут существовать, а территория страны на многие годы станет непригодной для проживания. Если США не боятся ядерного потенциала Китая, который во много раз больше потенциально возможного иранского, то абсолютно нелогичными являются и разговоры США об иранской ядерной угрозе.

Совершенно очевидно, что ядерное оружие Ирана – это не средство нанесения первого удара, после которого сам Иран исчезнет, а, во-первых, важнейший элемент обороноспособности Ирана, во-вторых, средство политического давления. Если таким образом подойти к данной проблеме, тогда становится совершенно понятно, почему США не хотят допустить возможности появления у Ирана ядерного оружия – это станет весьма сильным внешнеполитическим поражением США, после которого многополярный мир станет окончательной реальностью.

Саркис Цатурян (Россия)

Я бы сформулировал вопрос по-другому: действительно ли Китай сегодня противостоит мощной коалиции? И ответ здесь может быть только утвердительным. Участники этой коалиции широко известны.

Относительно оппозиционности Ирана возникают большие сомнения по той простой причине, что *реальное противостояние Тегерана с Вашингтоном и Брюсселем – самоубийство*. Для того чтобы это понять необязательно проводить сравнительный анализ этих акторов; они несовместимы ни по одному показателю. События последних лет показали, что в руководстве Ирана находятся умные и рассудительные политики, достаточно решительные для того, чтобы бороться за власть в отдельно взятых мусульманских странах, но в то же время, достаточно осторожные,

чтобы провоцировать вооруженное нападение. Иранское руководство далёко от того, чтобы повторить участь Ирака.

Что касается внешнего давления на Тегеран, то оно более чем необходимо элите для сплочения рядов и преодоления внутреннего брожения; будучи одной из самых молодых стран мира (по возрастному составу населения), Иран как никто другой ощущает на себе последствия глобального пробуждения.

Ни для кого не секрет, что с самого начала исламская революция (января 1978 — февраля 1979 г.) в Иране поддерживалась Лондоном и Парижем, которые при смене шахского режима получали контроль над нефтяными промыслами. Стоит ли упоминать, что аятолла Р. Хомейни прибыл в Тегеран для участия в революции специальным бортом не откуда-нибудь, а из Парижа.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

Нельзя однозначно ответить на этот вопрос, так как с одной стороны Иран в видимой части отношений противостоит мощной западной коалиции и ведущим арабским странам. В тоже время Тегеран стремится сохранить и нарастить свое влияние и лидерство в регионе. Он активно поддерживает Сирию, стабильность в которой в настоящее время в значительной степени зависит от Ирана. Данная ситуация выгодна Ирану, который придерживается плана консолидации шиитов и распространения своего влияния от запада Афганистана до Ливана, тем самым пытаясь сместить баланс сил на Среднем Востоке. В перспективе это могло бы позволить Тегерану стать доминирующей региональной силой в Персидском заливе, а также играть заметную роль в мировых процессах.

Сергей Александров (Украина)

Если предположить временный ситуативный вариант «игры в отведенной роли», то любая игра рано или поздно заканчивается, а не устранённые противоречия или конфликт интересов остаются.

4. Как изменится ситуация в регионе в случае развития ситуации по двум полярным сценариям: вооруженный конфликт и мирное разрешение ситуации?

Севак Саруханян (Армения)

Начну со второго сценария: мирное разрешение иранского ядерного кризиса наступит, по моему глубокому убеждению, на следующий день после испытания иранского ядерного оружия или же объявления о его

наличии. Тогда можно с уверенностью сказать, что иранский ядерный вопрос закрыт. Так, как были закрыты индийский, пакистанский и северо-корейский.

Что касается вооруженного конфликта, то тут я бессилён что-то предсказать. Знаю одно – Иран на военную атаку ответит военной атакой, а также дестабилизацией ситуации в Ираке, Афганистане и в зоне арабо-израильского конфликта. Это будет большая война, окончательный исход которой я даже приблизительно не могу предсказать.

Рачья Арзуманян (НКР)

Оба сценария представляются в некотором смысле «конечными», завершающими тур «Большой игры» и надо говорить о сценариях геополитического переформатирования Большого Ближнего Востока. Такой взгляд приводит к дополнительным вопросам. Какой вооруженный конфликт будет разворачиваться – локальный, региональный или глобальный и на каком направлении? Ограничится ли вооруженный конфликт, например, обменом ударами между Ираном и Израилем, или это будет война между Ираном и коалицией, за которой стоит Саудовской Аравия и Катар. Должны ли мы говорить о более широкой коалиции и суннитско-шиитской войне, с возможным подключением к нему Турции? Насколько вероятен сценарий расползания боевых действий на Большой Кавказ и разворачиванию вооруженного конфликта уже на геополитической арене.

И аналогичным образом достижение мира означает, что геополитические акторы в результате противоборства в экономической и прочих сферах, без открытого военного конфликта, признали свое поражение или победу. Возможность такого сценария вполне очевидна. И тогда необходимо задуматься о сценариях такого мира. Какие коалиции в нем будут присутствовать, за счет кого будет достигнут мир и проч.

Разработка такого рода сценариев отдельная и трудоемкая деятельность, которая не может быть очерчена даже штрихами в рамках формата круглого стола.

Юрий Баранчик (Белоруссия)

В случае вооруженного конфликта ситуация грозит выйти из-под контроля в глобальном плане. Дестабилизирован будет не только регион Ближнего Востока. Очевидно, что даже если США и Израиль ограничатся воздушным ударом по центрам ядерной программы Ирана, то на этом конфликт не закончится. Иран будет отвечать, при том, отвечать не на своей территории, а на территории США и Израиля. Однако эскалация конфликта не ограничится только этими тремя странами, в него неизбежно будет втянут Азербайджан – а это экстраполирует рост напряженности во всем каспийском регионе. Увязнут в конфликте та же Сирия и Турция. Под шумок этой кампании всегда найдутся те силы, которые захотят решить свои

проблемы, пока не до них (речь идет, прежде всего, о нынешнем президенте Грузии).

Мирное разрешение конфликта означает, прежде всего, укрепление сотрудничества между ключевыми странами Евразии – Россией, Китаем, Индией, Ираном, Турцией. Расширение трансконтинентальных энергетических, транспортных, инфраструктурных и иных глобальных проектов, которые позволят превратить Евразию в мощнейшего мирового экономического субъекта, тягаться с которым Северной Америке будет не под силу.

Саркис Цатурян (Россия)

Если возобладает конфликтный сценарий (*что пока маловероятно*), то мы станем свидетелями принципиально иного расклада сил на всём Большом Ближнем Востоке.

Для выполнения союзнических обязательств по отношению к Израилю, США будут вынуждены перебросить часть своих войск из Европы и Восточной Азии в зону Персидского залива, ослабив своё верховенство одновременно над двумя локомотивами мировой экономики. И даже этого не будет достаточно, чтобы усмирить Иран и Сирию, которые будут погружены в анархию.

Даже если предположить победу Израиля и США, то оба актора окажутся один на один с более чем четырёхсот миллионным мусульманским миром; при таком диспаритете в живой силе США рискуют собственноручно поставить крест над своим семидесятилетним лидерством в макрорегионе, а Израиль - повторить судьбу государств крестоносцев.

По всей видимости, Евросоюз и дальше будут раздирать сомнения и самое большое, на что он решится – это контроль над Северной Африкой. Россия будет выстраивать санитарный кордон в Закавказье и усилит своё влияние в Центральной Азии, де факто закрепив за собой основную коммуникационную артерию, связующую Европу и Азию. Сложные испытания выпадут на долю Китая, который снизит до минимума темпы экономического развития и будет точно применять вооруженные силы против разъяренного голодом и межэтническими столкновениями населения, всеми силами пытаясь предотвратить распад страны. Под влиянием топливного голода, Поднебесная уже не сможет ежегодно трудоустраивать 25 млн. человек, ныне переселяющихся из деревень в города: правительство потеряет рычаги управления.

*При реализации мирного сценария вышеперечисленные последствия будут отложены не более чем на десятилетие. Разрешение этого конфликта, вызревающего уже более сто лет, будет всецело зависеть от положения дел в американской экономике; **спусковой механизм сработает***

в тот момент, когда национальные государства начнут повсеместно отказываться от доллара.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

В случае развития вооруженного конфликта ситуация станет непредсказуемой. Следует ожидать ответных ударов иранских групп «Аль Кудс» и различных ячеек террористических организаций, спонсируемых Ираном по военным объектам США и их союзников в разных регионах мира. Это также приведет к консолидации иранского общества, тем самым, концентрируя усилия на ускорении развития ядерной программы. При военном решении проблемы, Иран сразу же блокирует Ормузский пролив, закрывая Западу доступ нефти из арабских стран, уничтожая танкера с использованием противокорабельных ракет «Нур» и мин, а также нанося удар по нефтеносным районам залива. При этом события приобретут крупномасштабный региональный конфликт.

При попытках уничтожения ядерных объектов Ирана могут наступить серьезные последствия для экологической ситуации в сопредельных регионах мира.

При мирном исходе кризиса, Иран сохранит нынешний режим, а Саудовская Аравия и другие арабские страны будут вынуждены считаться с иранскими требованиями и лидерством.

Запрет на экспорт нефти из Ирана выгоден Саудовской Аравии, Ливии и Нигерии. Россия получит краткосрочные дивиденды от роста цены на нефть и увеличение объема экспорта в Европу. Однако в целом для РФ вооруженный конфликт на Ближнем Востоке будет иметь негативные последствия, в контексте потери союзников и влияния, а также многомиллиардных контрактов на вооружения.

Санкции укрепят позиции китайцев. Китайские переработчики ожидают получать значительные скидки по контрактам на иранскую нефть, так как другие импортеры сократят покупки нефти, во избежание санкций со стороны США и Европы, за нарушение запрета.

В то же время США понесут затраты на обеспечение воздушной и морской безопасности в Ормузском проливе. Ежедневный транзит сырой нефти через пролив составляет 17 млн баррелей в день, что составляет 20% мировых поставок.

Но даже при мирном исходе кризиса США и Израиль не оставят своих планов. Американцы будут пытаться усилить оппозиционные силы внутри Ирана и дестабилизировать страну для реализации «бархатной» революции.

Сергей Александров (Украина)

Что касается последствий сценария вооруженного конфликта, то достаточно посмотреть на аналогичные события последних лет, связанные с Ираком и Афганистаном. Фактически произошло изменение геополитической системы координат в регионе и, частично, - в мире.

Если США открыто декларируют цель своего доминирования в мире и получения беспрепятственного доступа к мировым природным ресурсам (что, по мнению американской стороны, является неременным условием существования нации), то все постконфликтные сценарии в регионе следует рассматривать исключительно через призму этих подходов.

На это следует наложить не менее мощные устремления со стороны России, Китая, европейских стран упрочнить свое влияние на регион, а также вполне логичное желание региональных государств сохранить свою максимальную независимость и неуязвимость от реализации вышеназванными мировыми центрами силы своих интересов. Именно такое соотношение интересов будет определять региональную ситуацию в обозримой перспективе.

Успех сценария мирного разрешения противоречий напрямую зависит от желания и искусства сторон. Можно действительно найти компромисс и создать предпосылки для мирного сосуществования заинтересованных стран, а можно прийти лишь к отсрочке силовых действий. Увы, со стороны Запада желания идти на уступки пока не наблюдается. А попытки лишить Иран законного права обеспечить свою безопасность неминуемо вызовут сопротивление со стороны этого государства.

5. Каковы долгосрочные оценки последствий обоих вариантов возможного развития ситуации в регионе?

Севак Саруханян (Армения)

Я отчасти уже ответил на этот вопрос, однако добавлю одно: сегодня очевидно, что, начиная войну против Ирака в 2003-м, американцы ожидали получить одно, но на выходе получили другое, причем во многих смыслах противоположное тому, что ожидали. Это в случае с Ираком – уже разбитым в 1991-м, нищим и бессильным. А теперь давайте представим вместо Ирака Иран! Это будет иная война, с иным размахом и с иными последствиями. Уверен в одном – она будет разрушительной для всего региона.

Рачья Арзуманян (НКР)

Говоря о долгосрочных последствиях, мы неизбежно приходим к геополитической арене и оценке стратегий акторов. Одним из косвенных

индикаторов, позволяющих судить о том, за счет геополитических интересов какого актора будут обеспечены мир или война, является вопрос, кто из акторов принимает прямое участие в уже развернувшемся противоборстве, а кто - остался в стороне. «Вне игры» на сегодняшний день Россия и Китай и, следовательно, геополитические позиции именно данных акторов и будут перераспределяться как на традиционной арене «Большой игры»: на Кавказе, в Центральной Азии, Афганистане и Пакистане, так и новых.

Учитывая системный характер переживаемого Западом кризиса, справиться с ним можно только или через качественное изменение социально-экономической и культурной парадигмы, что представляется маловероятным в обозримом будущем, или оттягивание неизбежных решений за счет «заклания» геополитических противников. В начале 20 века это были традиционные империи, в конце 20 века – СССР, сегодня речь идет о России и Китае. Каким образом, в рамках какой геополитической схемы и геостратегии, опираясь на какие ресурсы и потенциал можно вырваться из уже накинута геополитической сети - отдельная большая тема.

Саркис Цатурян (Россия)

В долгосрочной перспективе итог мирного и конфликтного сценариев будет один и тот же: государственные границы арабо-мусульманских стран, в большинстве случаев сформировавшиеся по итогам Первой мировой войны, будут перестроены в соответствии с расположением этнических и религиозных коммун.

Американский век станет достоянием истории, а новый миропорядок будет выстроен на основе баланса сил между тремя субконтинентальными объединениями: Америкой, Европой и Россией. Каждый из этих субъектов мировой политики предложит народам собственный национальный проект.

Под влиянием всплеска этнического и религиозного самосознания, подогреваемого тем, что большинство государств окажется в руинах, народы всего мира возложат свои надежды на Совет Безопасности ООН, который превратится во влиятельнейшее наднациональное образование с собственной валютой, пришедшей на смену доллару. Несмотря на то, что этот прогноз больше напоминает эпизод из голливудского боевика, он берёт за основу фактор комплексной взаимозависимости, уже обволакивающей мир множеством сетей.

Ойбек Махмудов (Узбекистан)

Даже силовой вариант развития событий, не сможет повлиять на свертывание иранской ядерной программы. Это мобилизует местное население на противостояние с внешним врагом и в перспективе может сделать Иран лидером региона.

Саудовская Аравия станет развивать собственную ядерную программу для сдерживания Ирана. В настоящее время Эр-Рияд уже ведет диалог с Исламабадом по вопросу приобретения технологии производства ядерного оружия. Пакистан же взял на себя обязательства предоставить КСА технологию в случае развития угрозы стабильности на Ближнем Востоке. Подобные процессы приведут к эскалации гонки вооружений в регионе.

В случае войны США сумеют добиться от Туркмении и Азербайджана одобрения на введение в каспийский район своих вооруженных сил, так как там находится иранская флотилия, а это означает военные действия у южных границ России близи Северного Кавказа, что в свою очередь может активизировать террористическую деятельность в этом регионе. Война нарушит все транспортные коридоры и дестабилизирует регион на многие годы. Именно поэтому Россия всеми возможными способами будет пытаться предотвратить военные действия против Ирана.

В долгосрочной перспективе ожидается развития сепаратистских тенденций в регионе. В частности, разделение Ливии, Сирии и Ирана по этническому и племенному признаку. Все это необходимо США и Израилю для развития идеи Нового Ближнего Востока. В противовес данным моделям, будут предлагаться оси в виде Москва-Пекин-Тегеран-Дели. Также в долгосрочной перспективе Европа будет независимо от США проводить политику в регионе. Так как без Ирана и Ирака трансрегиональный проект «Набукко» не может развиваться.